

Григорий Пономарев

Заместитель начальника Отдела разработки и внедрения инвестиционных продуктов ВТБ 24 (ЗАО), канд. экон. наук

ЧТО НАПИСАНО ПЕРОМ ПОКА НЕ ВЫРУБИТЬ ЭДОМ, ИЛИ О БЕДНОМ АГЕНТЕ ЗАМОЛВИТЕ СЛОВО¹

Внедрение электронного документооборота (ЭДО) — важный этап развития рынка коллективных инвестиций. Но, как и при реализации любого проекта, когда правильность проектной документации является ключевым фактором его эффективности, успех внедрения ЭДО между участниками рынка коллективных инвестиций зависит, в том числе, от качества нормативных актов, его регулирующих. Цель данной статьи — освещение трудностей, порождаемых недоработками нормативных актов, с которыми сталкиваются агенты по распространению ПАЕВ при использовании ЭДО.

Всецело одобряя усилия ФСФР России, СРО и участников рынка коллективных инвестиций к всеобщему и всеобъемлющему внедрению ЭДО на рынке коллективных инвестиций (РКИ), хотелось бы, помимо этой благой цели, более четко понимать задачи, которые ставит перед собой регулятор для ее достижения. Без всякого сомнения, выработка единых форматов электронных документов и организация сдачи отчетности управляющими компаниями в ФСФР России в электронном виде — задачи для достижения практического использования ЭДО важные, но вовсе не первостепенные. Кроме того, важно понять, что внедрение ЭДО само по себе не должно являться окончательной целью, а должно быть лишь средством в достижении более эффективного взаимодействия между участниками рынка коллективных инвестиций. К сожалению, в последнее время реализация законодательных инициатив (именно реализация, а не само содержание инициатив) в части использования ЭДО на РКИ показывает, что внедрение ЭДО становится именно самоцелью. В части агентской деятельности по распространению паев реализация указанных инициатив направлена лишь на законодательное закрепление давно существующего порядка документооборота в отношениях между агентом по распространению паев и управляющей компанией (УК)

и придание ему правомочности, но отнюдь не на дальнейшее его совершенствование.

Пунктом 8 ст. 39 и п. 7 ст. 47 Федерального закона от 29 ноября 2001 г. № 156-ФЗ «Об инвестиционных фондах» (далее — Закон об инвестиционных фондах) с 12 декабря 2008 г. установлена обязанность для регистратора, управляющей компании и агента использовать в своей деятельности на РКИ электронные документы с электронно-цифровой подписью. Не буду говорить об обмене документами между управляющими компаниями, специализированными депозитариями и регистраторами — возможно, в их отношениях это станет катализатором повышения эффективности взаимодействия, так как до этого, возможно, между ними использовался только бумажный документооборот, — но между агентами и управляющими компаниями иной порядок взаимодействия, кроме как с использованием ЭДО, вряд ли был возможен и до установления этого требования. Слишком короткий срок (всего 3 рабочих дня) исполнения заявок на погашение и обмен инвестиционных паев был установлен для управляющих компаний Типовыми правилами доверительного управления инвестиционными фондами, утвержденными постановлениями Правительства РФ. Уложиться в такие сроки при передаче бумажного документа агентом управляющей компании

практически невозможно, особенно если агент располагает широкой региональной сетью. Другое дело, что зачастую этот электронный документооборот не соответствовал законодательству Российской Федерации по использованию электронных документов, в частности Федеральному закону № 1-ФЗ «Об электронно-цифровой подписи» (далее — Закон об ЭЦП). Стороны могли обмениваться файлами в формате *Excel* по Интернету без использования каких-либо средств СКЗИ, в том числе без надлежащей ЭЦП (электронно-цифровой подписи). Но было ли это несоответствие таким уж злом? Для ответа на этот вопрос достаточно посмотреть на брокерскую деятельность за рамками РКИ, где с внедрением интернет-трейдинговых систем уже лет 10 заявки клиентов на совершение сделок принимаются без всякой ЭЦП и только в электронном виде. При этом массовых случаев оспаривания такого способа подачи заявок со стороны клиентов брокеров не наблюдается. Конечно же, были случаи, когда идентификационными данными клиента завладевали без его ведома и подавали заявку, но в этом случае оспаривался сам факт подачи заявки от имени клиента, но отнюдь не легитимность заявки из-за того, что она не подписана соответствующей законодательству ЭЦП клиента. Более того, даже последующих бумажных заявок брокеры от своих клиентов

¹ Часть этой статьи является комментарием к статье Д. Соколова «Что написано пером пора вырубить ЭДОм», опубликованной в журнале Депозитариум № 3 (73) в 2009 г.

могут и не требовать, поскольку Постановление ФКЦБ России и Минфина России от 11 декабря 2001 г. № 32/108н «Об утверждении Порядка ведения внутреннего учета сделок, включая срочные сделки, и операций с ценными бумагами профессиональными участниками рынка ценных бумаг» (далее — Порядок ведения внутреннего учета) разрешает просто революционную с точки зрения законодательства о РКИ вещь, а именно использовать только электронную форму заявки без перевода ее на бумажный носитель (п. 19). Ну а уж про голосовой способ подачи заявок брокеру на исполнение сделок на бирже даже упоминать не к месту, поскольку похоже для РКИ это будет табу еще многие годы. Хотя не понятно, почему различаются подходы к деятельности брокера-агента на РКИ и на остальном рынке ценных бумаг.

После появления в Законе об инвестиционных фондах п. 8 ст. 39 и п. 7 ст. 47 у агентов появилась надежда, что дальнейшие действия регулятора избавят его от необходимости продолжать бумажный документооборот с управляющими компаниями. До середины лета 2008 г. проблема «бумаги» нарастала как снежный ком. Количество заявок и, соответственно, документов, предназначенных для проведения операций в реестре владельцев паев, полученных от клиентов-пайщиков, росло иногда в геометрической прогрессии. ВТБ 24 (ЗАО) в своей практике принимал в день до нескольких сотен заявок и иных документов, связанных с деятельностью на РКИ, через 300 с лишним агентских пунктов. В дальнейшем эти 300 с лишним «бумажных ручейков» сливались в головной офис, где сотрудники, сортируя их, направляли в управляющие компании 7 полноводных «бумажных рек» (по числу управляющих компаний, агентские соглашения с которыми подписаны ВТБ 24 (ЗАО)). Но надежды агента не оправдались.

Мало того, что п. 6 ст. 47 Закона об инвестиционных фондах обязал агента и лицо, ведущее реестр паев, заключить договор поручения на обмен документами, абсолютно не нужный обеим сторонам с точки зрения экономической целесообразности², так еще и п. 1.4. Положения о порядке ведения реестра владельцев инвестиционных паев паевых инвестиционных фондов, утвержденного Приказом ФСФР России от 15 апреля 2008 г. № 08-17/пз-н «Об учете прав на инвестиционные паи паевых инвестиционных фондов» (далее — Положение о ведении реестра), обязывает регистратора и/или агента (из формулировки пункта абсолютно не понятно, на кого возлагается ответственность

за исполнение этого требования — на регистратора или на агента) получить/предоставить бумажные документы, являющиеся основанием для проведения операций в реестре пайщиков, в 30-дневный срок. То есть для агента это означает не только увеличение количества адресатов (для ВТБ 24 (ЗАО) с 7 (количество УК на обслуживании) до 10 (7 — УК и 3 — регистратора), но и необходимость увеличения скорости бумажных потоков.

А как же повлияли новые требования Закона об инвестиционных фондах на существовавший до них ЭДО между агентом и управляющей компанией? Здесь выявилось неприятное для агентов обстоятельство. Регистраторы при заключении упоминавшихся договоров поручения навязывают свою систему ЭДО, не соглашаясь на использование системы ЭДО агента. Вроде бы с первого взгляда ничего страшного, указанное обстоятельство даже может привести в будущем к унификации систем ЭДО на РКИ. Но давайте посмотрим, что же было до и что стало после внесения поправок в законодательство. До изменений у агента выстраивалась следующая схема взаимодействия: он делал обязательную свою систему ЭДО для всех управляющих компаний, с которыми у него были заключены агентские договоры, тем самым унифицируя отношения с ними. Но вместе с тем агент предоставлял управляющим компаниям электронные документы в том формате, который был им удобен, т. е. зачастую в формате, требуемом регистратором при организации ЭДО между ним и управляющей компанией. Эти электронные документы были подписаны ЭЦП агента, которую признавали все управляющие компании. Далее управляющие компании направляли эти электронные документы регистратору, подписывая их уже своей ЭЦП, действующей в соответствии с соглашением об ЭДО, заключенным между агентом и регистратором. Таким образом, существовало как бы два центра организации ЭДО — агент и регистратор, что позволяло агенту привлекать к сотрудничеству неограниченное количество управляющих компаний, не изменяя схемы ЭДО и, следовательно, операционных процессов. Самое замечательное в этой схеме было то, что принятие агентом на агентское обслуживание управляющей компании не было обусловлено волей третьей стороны, а именно регистратора. При выборе управляющей компании агент не зависел от организации операционной деятельности регистратора и его желания к заключению/не заключению уже упоминавшегося договора поручения.

Что стало после внесения изменений? Жесткое противодействие использованию системы ЭДО агента со стороны регистраторов оставило только один центр организации ЭДО — регистратора. Теперь агент вынужден, помимо заключения договора поручения с регистраторами, использовать их системы ЭДО, подписывая сформированные электронные документы их ЭЦП. Таким образом, в сухом остатке агент имеет следующее: количество «бумаги» осталось таким же, количество адресатов и скорость бумажного документооборота выросли, количество систем ЭДО, используемых агентом, увеличилось пропорционально количеству регистраторов. Встает закономерный вопрос: а зачем агенту такая организация системы ЭДО? Ведь, повторюсь, внедрение ЭДО не самоцель, а лишь шаг на пути повышения эффективности взаимодействия всех участников РКИ, в том числе путем избавления от бумажного документооборота.

Хотелось бы дополнительно обратить внимание на формулировку п. 1.4. Положения о ведении реестра: «При наличии соглашения об электронном документообороте между регистратором, управляющей компанией и агентами по выдаче, погашению и обмену инвестиционных паев регистратор может совершать операции в реестре на основании копий предусмотренных настоящим Положением документов в электронно-цифровой форме, заверенных электронно-цифровой подписью лица, принявшего данные документы». Не совсем понятно, что имеется в виду под копиями документов в электронно-цифровой форме? Такого понятия нет ни в Законе об ЭЦП, ни в Федеральном законе от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (далее — Закон об информации). Зачем было изобретать сомнительные по содержанию и правовым последствиям формулировки, если в п. 1 ст. 19 Закона об ЭЦП все правильно изложено: «Содержание документа на бумажном носителе, заверенного печатью и преобразованного в электронный документ, в соответствии с нормативными правовыми актами или соглашением сторон может заверяться электронной цифровой подписью уполномоченного лица»? Все четко и ясно. Информация, содержащаяся на бумажном носителе, преобразуется в электронный вид и посредством подписания ее ЭЦП превращается в электронный документ. При этом электронный документ не служит копией бумажного, а является самостоятельным документом, при формировании которого бумажного документа может и не быть

² Заключение договора поручения между агентом и регистратором — отдельная тема. Экономически в заключении этого договора не заинтересованы обе стороны. Регистратор не готов платить агенту рыночные тарифы за трансфер-агентские услуги (да и существуют ли эти рыночные тарифы на практике, не понятно), поскольку до введения требования о заключении договора он никаких расходов перед агентом не нес. Да и агенту этого не нужно, так как навязываемая ему таким образом трансфер-агентская деятельность не является для него сколь-нибудь прибыльной. Однако от платы обе стороны отказаться не могут, поскольку иначе у них возникнут налоговые риски.

(а на самом деле и не должно быть, иначе это уже не ЭДО, а лишь видимость и подмена понятий). В том же русле в п. 3 ст. 11 Закона об информации дано определение электронного документа: «*Электронное сообщение, подписанное электронной цифровой подписью или иным аналогом собственноручной подписи, признается электронным документом, равнозначным документу, подписанному собственноручной подписью, в случаях, если федеральными законами или иными нормативными правовыми актами не устанавливается или не подразумевается требование о составлении такого документа на бумажном носителе*». Из этого определения напрашивается интересный вывод: если п. 1.4. Положения о ведении реестра содержит требование об обязательном составлении документов, являющихся основанием для проведения операций в реестре, на бумажном носителе, то копии этих документов в электронно-цифровой форме согласно определению не признаются электронными документами, равнозначными документам, подписанным собственноручной подписью. Следовательно, внедрение полноценного ЭДО в отношениях между пайщиком—агентом—управляющей компанией—регистратором вообще не представляется возможным, поскольку, даже если предположить, что пайщик будет использовать свою ЭЦП, признаваемую всеми сторонами, ему не удастся направить ни одной из сторон в электронном виде ни один документ, так как, во-первых, Положение о ведении реестра требует составления документа на бумажном носителе, а во-вторых, ЭЦП на электронном сообщении не будет признана равнозначной собственноручной подписи клиента в силу того, что сообщение не будет признано электронным документом. К сожалению, подобное можно распространить также и на заявку на погашение паев — документ, который логичнее и удобнее всего для пайщика было бы подавать именно в электронном виде. Дело в том, что в соответствии с п. 16.3 Положения о ведении реестра заявка на погашение паев также относится к документам, на основании которых проводятся операции в реестре.

Еще один вариант толкования понятия «копия документа в электронно-цифровой форме» — это отсканированный образ документа, подписанный ЭЦП. По смыслу получается, что это ближе всего к истине. Но такая трактовка делает бессмысленным использование ЭДО уже для регистратора, поскольку в этом случае ему придется забыть об автоматической сквозной обработке данных, поступающих от управляющей компании и агента. Каждый такой электрон-

ный документ работникам регистратора придется вручную заводить в электронную систему ведения реестра.

Агентам хотелось бы, собственно, того же, чего давно хочется остальным участникам РКИ, — перехода на полноценный ЭДО без использования бумажных носителей. За примером далеко ходить не нужно. Достаточно посмотреть, как уже упоминалось выше, на брокерскую деятельность за рамками РКИ. Нормативно-правовые акты, регулирующие брокерскую деятельность, не требуют от клиента, брокера и депозитария составления бумажных документов. Более того, пп. 19 и 65 Порядка ведения внутреннего учета, п. 12.4. Положения о депозитарной деятельности в Российской Федерации, утвержденного Постановлением ФКЦБ России от 16 октября 1997 г. № 36, а также Положение о требованиях к осуществлению деятельности участников финансовых рынков при использовании электронных документов, утвержденное Приказом ФСФР России от 8 декабря 2005 г. № 05-77/пз-н (далее — Положение № 05-77/пз-н), напрямую разрешают брокерам и депозитариям обмениваться любыми документами только в электронном виде. Кстати, в части использования полноценного ЭДО между участниками РКИ Положение № 05-77/пз-н вступает в противоречие с Положением о ведении реестра. Если в первом документе напрямую говорится о возможности использования электронных документов без бумажных оригиналов между участниками РКИ, то более поздний (второй) документ делает значительный шаг назад, закрепляя требование о составлении бумажных документов.

Для исправления ситуации с внедрением ЭДО на РКИ необходима тщательная ревизия всех нормативно правовых документов ФСФР России, регулирующих РКИ, на предмет удаления из них требований о составлении бумажных документов. Особенно необходимо переработать уже давно морально устаревшее Постановление ФКЦБ РФ при Правительстве Российской Федерации от 19 июня 1996 г. № 12 «Об утверждении Положения о требованиях, предъявляемых к агентам по размещению и выкупу инвестиционных паев», требующее от агентов передавать оригиналы заявок на приобретение и выкуп инвестиционных паев с отметкой о принятии, а также все представляемые документы по акту приема — передачи управляющей компании или указанному ею лицу. Во избежание спорных моментов при использовании ЭДО в нормативных правовых актах ФСФР России должны появиться нормы, прямо указывающие на возможность подачи любых документов, предусмотренных

законодательством о РКИ, в электронной форме (заявки, анкеты, заявления на проведение операций в реестре, выписки и т. д.).

Очевидно, что полностью избавиться от «бумаги» в отношениях между участниками РКИ и пайщиками вряд ли удастся из-за консервативности последних, часто с недоверием относящихся к электронному взаимодействию и предпочитающих бумажные документы. Но можно было бы и в этом случае оптимизировать документооборот. Разумно было бы разрешить агенту хранить указанные документы в бумажном виде только у себя, в случае если пайщик не хочет использовать ЭДО, а настаивает на бумажном документообороте, и не передавать их дальше управляющей компании и регистратору. В этом случае агент будет передавать в УК и регистратору только информацию, содержащуюся в бумажном документе, преобразованную в электронный документ. Так как агент является профессиональным участником ценных бумаг, обладающим лицензией ФСФР России, можно не опасаться, что регулятор не получит доступа к первичным бумажным документам при проверках³. Одновременно нужно разрешить регистратору совершать операции в реестре пайщиков исключительно на основании электронных документов, полученных от управляющей компании или агента, содержащих информацию, идентичную той, что содержится на бумажном носителе, без ее последующего подтверждения путем предоставления документа «в бумаге». При этом всю ответственность за соответствие информации в электронном и бумажном документе можно законодательно возложить на агента. Тогда отпадет необходимость в заключении договора поручения между регистратором и агентом, поскольку агент сможет передавать все документы регистратору через управляющую компанию, неся при этом равноценную ответственность, как и в случае с договором поручения.

Подводя итог, хотелось бы отметить, что стереотип о превалировании правомочности бумажного документа над электронным сломать не просто. Осуществлять функции надзора, когда вся информация представлена на бумажном носителе и заверена живой подписью и печатью, гораздо удобнее. Но, несмотря на это, хотелось бы видеть от ФСФР России более активного продвижения идеи внедрения именно полноценного ЭДО в законодательстве об РКИ. Так немного нужно для реализации этой идеи, ведь, перефразируя известные слова астронавта Нила Армстронга, «маленький шаг регулятора может стать гигантским прыжком для рынка коллективных инвестиций». ■

³ В этом заключается основное отличие деятельности трансфер-агентов на РКИ от деятельности трансфер-агентов регистраторов, осуществляющих ведение реестра акционерных обществ, зачастую лицензией ФСФР не обладающих.